

Centuries. Manchester, 1937; *Wilkinson B.* Constitutional History of England 1216–1399. L., 1948; *Wilkinson B.* The «Political Revolution» of Thirteenth and Fourteenth Centuries in England // *Speculum*. 1949. № 4.

³⁹ *Hart C.R.* The Hidation of Huntingdonshire // Cambridge Antiquarian Society. 1968. 41; *Hart C.R.* The Hidation of Northamptonshire. Leicester, 1970; *Sally P. J. Harvey.* Domesday Book and Anglo-Norman Governance // Royal Historical Society. 1975. 5-th Ser. 25; *Sawyer P.* Domesday Book: a Reassessment. L., 1985; *Holt J.C.* Domesday Studies. Woodbridge, 1987.

⁴⁰ *Cam H.M.* The Evolution of the Medieval English Franchise // *Speculum*. 1957. № 32; Naomi D. Hurnard. The Anglo-Norman Franchises // *The English Historical Review*. 1949. № 44.

⁴¹ *Pollock F.* Frederic William Maitland // *The Quarterly Review*. № 411. April. 1907. P. 403.

⁴² *Schuyler R.L.* The Historical Spirit Incarnate: Frederic William Maitland // *The American Historical Review*. Vol. LVII. № 2. January. 1952. P. 303.

⁴³ In Memoriam. F.W. Maitland. By O.W. Holmes // *The Law Quarterly Review*. April. 1907.

⁴⁴ *Smith A.L.* Op. cit. P. 57.

Е.Н. Мурзанаева

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКИХ АНТИКОВЕДОВ в конце XIX – начале XX в.

Российские ученые, философы и деятели культуры понимали античность как действенную систему актуальных художественных и социальных ценностей, необходимую в развитии современной жизни и культуры России, и они часто обращались к античным сюжетам, к её архетипам вечности. Выдающиеся антиковеды Ф.Г. Мищенко, В.И. Модестов, Ф.Ф. Зелинский и другие стремились своей просветительской деятель-

ностью привнести в российское общество общечеловеческие ценности, апробированные и возвеличенные древними Грецией и Римом.

Античная идея духовности на рубеже веков реализована в творчестве мыслителей Павла Флоренского, Вячеслава Иванова, Владимира Эрн, Георгия Федотова, художников Валентина Серова, Михаила Врубеля, Льва Бакста, композитора Александра Скрябина.

В. Эрн считал, что «русская мысль... во всей современности, во всём теперешнем мире... одна хранит живое, зацветающее наследие антично-христианского умозрения»¹. Чтобы так глубоко чувствовать и понимать дух античной цивилизации, надо быть постоянно в диалоге с античной культурой, основательно знать античные языки и сочинения античных авторов. В этом контакте рождалось новое понимание античной культуры, происходило слияние античного наследия и времени рубежа веков. Античное наследие становилось актуальным и современным.

Ф.Ф. Зелинский дальновидно замечал, что взгляд в обществе на цель изучения античности меняется, происходит и изменение методов её изучения, что важно для интеллектуального и нравственного развития общества. Если в средние века латынь изучалась для спасения души, поэтому читали христианские сочинения, затем Цицерона, в неогуманистический период – Гомера, трагиков, Горация, то в переходный период надо представить ученикам античную культуру как родоначальницу современных идей.

Ф.Ф. Зелинский для доказательства правильности своих мыслей приводил в пример то, что в Германии крупный ученый Виламовиц составил греческую книгу для чтения, в которой сделал выборку из античной литературы. Она заинтересовала в Германии педагогический мир. Эта книга, как считал Ф.Ф. Зелинский,

необходима в России, но её появлению в России мешала так называемая «школьная смута»².

Ф.Ф. Зелинский хотел быть просветителем для своего народа, предметом его внимания была школа, подготовка и воспитание молодого поколения, классическая система образования, которая заменялась другой системой, «практической» – реальными училищами. По его мнению, только невежды могут сказать, что современное общество опередило античность, что у неё нечему учиться. Но если вести речь с этической точки зрения, т.е. «о совершенствовании человечества», «его умственном и нравственном совершенствовании», надо осознать прежде всего цель классического образования. В общей школе с её множеством различных предметов получается ошеломляющая и притупляющая многопредметность, кроме того каждому ученику школа дает 1/10 того, что ему нужно в жизни, а 9/10 балласта³. Поэтому вместо профессионального утилитарного принципа надо ввести принцип образовательный. Тем самым Ф.Ф. Зелинский отказывался от узкого подхода к педагогике, считая, что целью образования не могут быть знания сами по себе, ведь они должны создать образованного человека, который, даже утратив знания по истории древнего мира, сохранит образованность.

«Почему именно за знанием древнего мира обращается человек?» – задаёт вопрос профессор Зелинский и отвечает: «Это в высшей степени широкая, богатая и разнообразная область знаний», это «мир, и притом такой, с которым наш современный мир соединён тысячью, большей частью неосознаваемых нитей»⁴.

Ученый замечал, что античная культура, греческий язык оказали свое влияние на русский язык, «в древние времена русской истории греческий язык действительно, как мы видели, был воспитателем рус-

ского ...тогда и сложились природные стилистические силы» русского языка⁵. Но главное значение древних языков, по мнению ученого, заключается в том, что они открывают современному человеку «доступ к античной литературе и, косвенно, к античной культуре в самом широком смысле»⁶.

Ф.Ф. Зелинский считал, что «толковать античность, всесторонне разбирать её можно только в подлинниках». «Давая ученику в руки текст, я даю ему этим самым общее поле для наблюдений и исследований; на этом поле я буду его руководителем, но не более: он имеет и право, и возможность контроля, и над нами обоими властвует высшая инстанция – истина»⁷.

Ученый обращался к переводам и очень хорошо показал, что древняя литература имеет интеллектуалистический характер и для того, чтобы «судить об античности, требуется очень много знания»⁸. Эти знания он реализовывал в своём творчестве, в частности, в переводах.

В 1914–1915 гг. в издательстве М. и С. Сабашниковых, которое часто публиковало сочинения российских ученых-антиковедов, вышло в переводе профессора Петербургского университета Ф.Ф. Зелинского трёхтомное издание великого греческого драматурга Софокла. Трагедии Софокла на русский язык переводили охотно. Возникла даже традиция перевода произведений великого драматурга⁹. Внёс в неё свою лепту Ф.Ф.Зелинский. Это свидетельствовало о возрастающем интересе общества к древнегреческой литературе вообще, к Софоклу, в частности, об интеллектуализации и росте образованности российского общества.

Особый интерес к драме Софокла «Антигона» в послереформационный период был настолько велик, что она издавалась отдельными выпусками в 1873, 1884, 1895 гг., т.е. приблизительно каждые десять лет. Ин-

интерес к героине Софокла Антигоне, ставшей вечным символом героического сопротивления в мировой литературе, возрастал в российском обществе. Пользуясь выражением Ф.Ф. Зелинского, можно сказать, что российская культура, российская интеллигенция удочерила Антигону за её цельность, неприклонность в выполнении долга, в достижении цели даже ценой своей жизни, за её чувство ответственности.

Эти переводы были далеки от совершенства, общество жалело, что не знает древнегреческого языка, и просило переводчиков писать действительно «порусски». Интересно, что над переводами Софокла работал русский поэт серебряного века Д.С. Мережковский. С 1892 г. по 1896 г. он издал переводы драм «Антигона», «Царь Эдип», «Эдип в Колоне». Сравнение оригинала и перевода позволяло видеть отступления от древнегреческого текста, но текст Д.С. Мережковского, изложенный белым стихом, читался легко. С этой традицией перевода пришлось столкнуться российским ученым.

Например, Ф.Ф. Зелинский считал, что надо не только переводить слова, но и передавать те чувства, ощущения, страсти, которые заключены в тексте и могут извлекаться из контекста. Такой подход можно критиковать, но он продуктивен и вряд ли стоит, как показала наука XX в., отказываться от него. Такой перевод заключает в себе диалог между V в. до н. э. и XX в. н.э. Он как раз соответствует отношению Ф.Ф. Зелинского к античному наследию, имманентной сущности античной культуры. Невольное модернизаторство античности¹⁰ возникло не из волюнтаристского субъективного желания ученого, а из неразделенности, слитности существования античного наследия как объекта и изучающего его ученого как субъекта, находящегося в творческом диалоге с антично-

стью. Как говорил Ф.Ф. Зелинский: «в этом духе – литература самое важное наследие античности»¹¹.

В России была создана традиция изучения и переводов античной литературы, в частности Софокла. Как писал Ярхо, «Антигону» переводили 6 раз, «Эдипа в Колоне» – 4 раза, «Царя Эдипа», «Аякса» и «Электру» – по 3 раза ¹², но из них самыми любимыми были, как видно, «Антигона» и «Эдип в Колоне». Это было обусловлено особым интересом и потребностью русского образованного общества в этих шедеврах мировой литературы, что говорит о высоком вкусе российской интеллигенции, её потребности в сильных, героических личностях, совершающих суд над собой.

Ф.Ф. Зелинский, обладающий богатым воображением, как филолог-антиковед, как переводчик был смел и полемичен в общении с античной культурой, он обращался с ней на уровне научно-мировоззренческого понимания, не обращая иной раз внимания на детали, которые ему казались мелочью¹³. Его переводы, как замечал Ярхо, не соответствовали ни античной традиции, ни практике начала XX в., с чем можно не согласиться, проблема заключалась не в форме, а в сути греческой драматургии.

Не случайно, Ф.Ф. Зелинский писал, что он представлял себе сцену не такой, какой она была в древние времена, а «витавшую перед глазами поэта»¹⁴. Замечания Зелинского были обращены к режиссёру и художнику современного театра. Он писал в расчёте на отзыв общественности. Его работы и переводы были пронизаны пафосом просветительства, отличались художественным стилем, создающим зримый образ античного мира.

Хорошо зная древнегреческий язык, античные тексты, свои переводы Ф.Ф. Зелинский наполнял мировидением, энергией XX в. Ему была нужна не точность текста, а энергия смысла и доступность текста

читателям, любителям античности. Он переводил греческие драмы не с точки зрения строго научного подхода к ним, а реорганизовывал своё просветительское отношение к античности, ища в драматургии греков сокровенный смысл. Он, собственно, создавал свою модель отношений между героями, которая по существу, в главном не отличалась от трагедий.

Для того чтобы читатель XX в. лучше понял другую, античную эпоху, надо было сделать её современной, поэтому Ф.Ф. Зелинский модернизировал героев драм. Его переводы рассчитаны, скорее, на диалог со зрителем, на восприятие со сцены, где действуют свои законы жанра, отличные от чтения. Учёный в интерпретации материала шел от достижений греков, их вклада в мировую историю и культуру, от самых значительных черт античной эпохи.

В этой возможности интуитивного, самостоятельного вхождения читателя в античный материал заключалась привлекательность эссеистики учёного, его научных идей. Он отдавал себе отчёт в том, что в гуманитарных науках нет единственной истины, она возможна только в естественных науках¹⁵.

Поэтому Ф.Ф. Зелинский признавал за любым учёным право на свободу высказываний в науке, порой, казалось бы, граничащую с интеллектуальным риском. Ф.Ф. Зелинский создал свой стиль поведения героев. С этой целью он ввел в интерпретацию текстов общественные взгляды для того, чтобы непосвященный человек знал о демократизме, гуманизме греков. Объясняя свой взгляд на материал во вступительных статьях, он как бы предварял критику в будущем его как специалиста. Да, он осовременивал греческие трагедии, но делал это для просвещения зрителя. И всё же Ф.Ф. Зелинский поплатился за своё видение сущности просветительства науки. Может быть, именно из-за этого В.П. Бузескул в своём труде «Все-

общая история и её представители в России»¹⁶ даже не упомянул об ученом. Ф.Ф. Зелинский хорошо понимал значение понятий «наука для науки» и «наука для просвещения своего народа», и в своей деятельности руководствовался вторым.

В.Н. Ярхо после всех своих критических замечаний, важных для профессионала, всё же допустил мысль, что «современный читатель получает в руки Софокла, переведённого более семидесяти лет назад, за это время многое изменилось во взглядах на античность вообще и на Софокла – в частности. Зелинский сделал колоссально много для приобщения русского читателя к познанию быта и внутреннего, интимного мира древнего грека, – но это был грек, каким он представлял его себе на рубеже XIX и XX вв. Сам Зелинский, воспитанный на драматургии Ибсена, героев Софокла, видел на современной сцене и оценивал их нормами психологии новейшего времени»¹⁷.

Все эти особенности взаимоотношений русской культуры и эллинской тонко чувствовал и другой крупный ученый, профессор С.Я. Лурье. Он отмечал: «Российская цивилизация выросла на греческой, ей было присуще это понимание и предпонимание другой, но родной культуры». «Я никак не хочу сказать, что Еврипид был неискренен. Нам, людям, воспитанным на русской литературе, Еврипид и его ход мыслей понятнее, чем кому-либо другому»¹⁸.

Ф.Ф. Зелинский считал, что инстинктивная нравственность греческого народа есть самая здоровая из всех – «потому самая здоровая, что она создала единственную в мире выживающую культуру»¹⁹. Для российских ученых-антиковедов не было необходимости нести в общество выдуманную официальными кругами мораль. Они несли общечеловеческие ценности, апробированные и возвеличенные античным миром –

Древней Грецией и Древним Римом. Говоря о морали, можно вспомнить слова помощника министра образования А.В. Никитенко: «Проклято время, где существует выдуманная, официальная необходимость моральной деятельности без действительной в ней нужды, где общество возлагает на вас обязанности, которые само презирает»²⁰.

Греческая культура в общении с русской культурой, как ни с какой другой, раскрывала свою духовность, гуманизм и потаенный смысл – прославлять человека, его разум и красоту. Усвоению античной культуры помогала хорошо продуманная учеными система гимназического образования и традиции контактов с античной культурой, существовавшие в русском обществе, а также целенаправленность деятельности российских антиковедов, определяемая пониманием ими как историками значения античного наследия.

Проблема просветительства была весьма актуальна для творчества крупного российского антиковеда Василия Ивановича Модестова (1839–1907), который очень много сделал для развития российской науки о древностях. Блестящий теоретик, он с начала своей научной деятельности преподает в университете Св. Владимира в Киеве, читает лекции по истории римской литературы. Труд этот заслужил благосклонную оценку и признание в обществе. Его лекции были не только опубликованы, но и через три с половиной года переизданы²¹. «Журнал Министерства народного просвещения» посвятил ученому, после издания этих лекций, четыре статьи, правда, полемического характера, что заставило общество обратить внимание на работы В.И. Модестова.

Эта полемичность была результатом того, что ученый стремился не просто изложить материал, а теоретически осмыслить, понять его значение в историче-

ском процессе и открыто провозгласить идеи свободы в обществе, которые оспаривались другими учеными.

Очень важным для понимания литературы являлось определение ее сущности ученым. В.И. Модестов-историк, осмысливая литературу как явление «живое», «органическое», подошел к ней с учетом общей культурной жизни народа, литература для него была связана прежде всего с жизнью. «Литература есть логический продукт жизни», – писал ученый²².

Кроме того, В.И. Модестов рассматривал литературу не изолировано, а в связи с деятельностью, с культурной жизнью народа²³.

Эти взгляды В.И. Модестова на литературу поражали, она не выводилась автором исключительно из духа, из сферы духовной деятельности, как это было распространено в XIX в., а рассматривалась как результат самой жизни, в органической связи с общим развитием культуры. Автор говорил о литературе не как ушедшей, а как живой и актуальной для общества.

Замечания российского ученого о влиянии образования на литературу, на жизнь были крайне актуальны для послереформенного периода, периода активного развития рыночных отношений и разрушения старых, казалось бы, вечных устоев. Широко развивающееся предпринимательство вызвало потребность у общества в глубоко образованных людях. К ним и были обращены лекции по истории римской литературы В.И. Модестова. Он как исследователь искал определенную связь между литературой и жизнью, но не обращался к поиску закономерностей, что превратило бы науку – литературу и историю – в схоластику. Поисками таких закономерностей займется позже марксистская наука. В.И. Модестов не переступил этой тонкой грани. Он видел эту диалектическую обусловленность литературы и жизни, литературы и культу-

ры, но не превращал её в жесткую парадигму. В.И. Модестов был глубоким исследователем со своей методологией исследовательского процесса, что становится характерным для российских ученых в последней четверти XIX в.

Приход к власти Александра II (1855 г.), школьная и университетские реформы (в 1863 г. был принят университетский Устав, дававший высшим учебным заведениям самоуправление) привели к кардинальным изменениям в области просвещения. Для российских студентов были возобновлены научные командировки за границу в целях подготовки к получению ученой степени и профессорского звания. Работа в университетских библиотеках, общение с учеными, европейское общественное настроение с его идеями либерализма и прогресса преобразовывали молодых ученых и их менталитет. Они буквально впитывали в себя философские идеи Гегеля, Канта, Шеллинга и генерировали новые идеи у себя на родине – в России. Читая лекции, ведя преподавательскую и научную работу, ученые думали об образовании и воспитании молодежи, они любили свою науку и охотно делились своими знаниями, не жалея ни сил, ни времени. Вопрос об изучении античности и месте античной истории культуры в образовании, воспитании и просвещении русского народа волновал многих российских ученых, например Леонтьева, Куторгу, Виноградова, а позднее Зелинского и др. По существу это был теоретико-методологический, философский вопрос о месте античного наследия в истории европейской, в том числе и русской культуры и в формировании мировоззрения и нравственности молодых людей. Не обошел этот вопрос и В.И. Модестов. Его взгляды отличались самостоятельностью, неординарностью. Интересно, что В.И. Модестов рассматривал вопросы школьного и университетского образования в едином

комплексе, что было новаторским для того времени. Это была не только теоретическая, но и практическая сторона важного вопроса для общества, его будущего.

Самостоятельные, критические суждения профессора не понравились руководству, тем более, что он критиковал систему школьного гимназического образования за то, что она основывалась на принципах прусской школы. Прусская система образования, со всеми своими плюсами и минусами, готовила интеллектуально тренированного и культурно подготовленного, привыкшего к порядку и послушанию государственного чиновника, который был не способен к самостоятельной творческой работе. Однозначно отрицательно относиться к этой системе обучения, очевидно, нельзя. Но В.И. Модестов решительно выступил против нее. Это не понравилось графу Д.А. Толстому, в то время исполняющему обязанности обер-прокурора Синода и министра народного просвещения, в прямые обязанности которого не входило решение вопросов, связанных с классическими гимназиями. Но Д.А. Толстой как обер-прокурор Синода следил за настроениями преподавателей Петербургской духовной академии. В.И. Модестов выступил с критикой нового университетского устава, имевшего антидемократический характер, лишавшего университеты России права на автономию.

После убийства Александра II наступил период духовной, политической реакции. Политической системе нужны были послушные профессора. После смерти графа Толстого В.И. Модестов вновь был избран ординарным профессором Новороссийского университета по кафедре греческой философии. Его вступительная лекция «Место классической филологии среди наук историко-филологического факультета и её преподавание»²⁴ показала, что В.И. Модестов продолжал

размышлять о месте античности в системе образования.

Как истинный ученый, имеющий авторитет в науке, начав читать курс лекций в университете, он заявил: «Мне приходилось иногда отказываться от своих мнений по частным вопросам в науке, которые получили новое освещение, от новых данных, от новых исследований. Но в своих воззрениях на науку, на её высокое призвание, на её властное положение в жизни образованных народов, на достоинство и независимость в служении ей, на её бесспорный авторитет во всех вопросах человеческой жизни я остался непоколебим, как останусь таковым до конца дней своих»²⁵.

В.И. Модестов, осознавая роль и место античного наследия в развитии образования и просвещения русского народа, продолжал традиции российской науки об античности. Ученый подчеркивал общественное значение исторической науки вообще и науки об античном мире в частности.

В.И. Модестов как ученый-историк считал движущей силой исторического процесса умственную и нравственную силу народа; именно она, по его мнению, составляет величие народа. Он писал: «...величие народа слагается из разных элементов, но, в сущности, сводится к его умственной и нравственной силе: ни многочисленность населения, ни обширность территории, ни громадность армии не дают сами по себе никакого величия и не доставляют народу действительной силы... Велико и сильно то, что носит в себе силу духа, что богато творчеством гения, что исправляется разумом, где господствует стройность, порядок и свобода необходимых отправлений»²⁶.

Вслед за философами Просвещения ученый считал двигателем прогресса разум человека и разум общества, причем он относил к обществу только образо-

ванных людей, так как у него, ученого, почитающего науку, ее авторитет, было особое отношение к образованию, образованности. Он писал: «Образованное русское общество есть то, что составляет цвет и украшение русского народа. Это есть, так сказать, мозг, которым русский народ мыслит, есть орган, посредством которого он заявляет миру о своих дарованиях, обнаруживает свои способности в высшей сфере жизни, наконец, орган, посредством которого русский народ заявляет о своих потребностях и нуждах, о своих печалях и радостях»²⁷.

Ученый считал, что ход истории определяется прежде всего духовной деятельностью людей, их образованностью, которая зависит от авторитета науки в обществе.

Говоря об образованности общества, В.И. Модестов не случайно отделял от него народ, так как видел, что народ в России неграмотен, бескультурен, необразован. Поэтому он отмечал: «Народ – есть сила пассивная, управляемая, руководимая, направляемая избранной частью общества»²⁸ и подчеркивал роль личности в истории.

Можно сказать, что российский ученый, крупный специалист по истории Рима, обобщая ход исторического процесса, был в своих оценках и суждениях философом-просветителем. В.И. Модестов опирался на свои знания исторического процесса, а не создавал общие социологемы и не поддавался популизму публицистов, которому он не симпатизировал, будучи критически мыслящим ученым, стремящимся к пониманию сути, глубины исторического процесса.

Много занимаясь наукой, В.И. Модестов чувствовал ответственность перед ней и был глубоко предан науке об античности. Его научные исследования – это создание и в то же время реализация плодотворных традиций российского антиковедения.

Вопросами использования истории и культуры античного мира в деле образования и просвещения занимался также профессор Казанского университета Федор Герасимович Мищенко (1847–1906). Ф.Г. Мищенко своими переводами античных авторов («География» Страбона, «История» Геродота, «История» Фукидида) также внес вклад в просветительскую деятельность российского антиковедения. Его знания позволяли ему снабжать переводы обстоятельными вступительными статьями о биографиях античных авторов, критическим анализом их сочинений, значительными примечаниями. Вступительные статьи Ф.Г. Мищенко вводили российских читателей в античный мир, помогали познать мышление античного человека. Это были не только образцы тщательного научного анализа, но и примеры изложения, интересные и понятные даже неспециалистам.

5 ноября 1893 г. ученый на торжественном собрании Казанского университета выступил с речью «Изучение античного мира в зависимости от успехов науки и просвещения»²⁹, в которой изложил свой взгляд на значение античного наследия. «В наследие от древности, – писал Ф.Г. Мищенко, – мы получили не скудное научное достояние: элементарную грамматику обоих языков с общепринятой теперь терминологией, учение о музыкальном ритме и стихосложении, распределение литературных памятников по родам и видам, биографии писателей и государственных людей, хронологию авторов и событий, критические замечания к текстам»³⁰.

Говоря о значении античной традиции в культуре, ученый считал, что античная традиция только на время была отодвинута на второй план и несколько заглушена распространением христианства и разрушением Западной Римской империи варварскими

народами, но никогда не была истреблена вполне и сохранилась до настоящего времени³¹.

Ф.Г. Мищенко любил работать со студентами и был отличным руководителем, «его лекции по истории греческой литературы, эпиграфике и древностям увлекали молодежь. Чтение и толкование на практических занятиях греческих авторов, которые были хорошо изучены им самим, умение поставить темы для рефератов с живым последующим их обсуждением в аудитории – все это свидетельствовало о его незаурядных качествах педагога»³².

Ф.Г.Мищенко был глубоким, современным своему времени и обществу историком. Он всегда стремился поделиться своими богатыми знаниями по античной истории с другими людьми, он был ученым широкого кругозора и горячей, искренней любви к своей любимой науке об античном мире, он был активным участником научного прогресса, движения к истине. В этом он видел нравственный смысл познания древней истории и ее преподавания студентам.

Российская культура и наука в конце XIX в. под действием в общественной жизни сложных и противоречивых тенденций оказалась в духовном тупике. В российском обществе заметно нарастали кризисные явления во всех сферах жизни, сопровождавшиеся, с одной стороны, возрастающей активностью народных масс, а с другой – распространением настроений пессимизма и растерянности в среде интеллигенции. Н.А.Бердяев писал: «Мы присутствуем при кризисе искусства вообще, при глубочайших потрясениях в тысячелетних его основах. Окончательно померк старый идеал классически прекрасного искусства и чувствуется, что нет возврата к его образам»³³. *Но рушились не только прекрасные идеалы, было такое ощущение, что рушится все вокруг. «Мы живем в час смешения, в час тоски, когда бездна обнажилась и все*

покровы отброшены... День новой истории кончается. Рациональный свет гаснет. Наступает вечер. По многим признакам наше время напоминает начало раннего средневековья»³⁴.

Крушение просветительских идеалов, еще недавно служивших символами веры передовой интеллигенции, привело к активному протесту против материалистического мировоззрения с призывом преодолеть материализм как догматическое, метафизическое учение. В отличие от ученых позитивистской школы, исследователи избрали предметом изучения духовные явления как важнейший элемент жизнедеятельности человека.

Н.А. Бердяев отмечал, что для построения философии истории особенно благоприятны катастрофические моменты истории, «катастрофы человеческого духа», своеобразное раздвоение, когда можно сопоставить «момент непосредственного пребывания в историческом и момент расщепления с ним»³⁵.

Из этого кризиса общественного сознания, потери ценностных ориентиров пытались выйти при помощи своего творчества прежде всего крупные ученые, ставившие методологические вопросы о предмете и смысле своих занятий, поисках исторической истины. Такое обращение к методологическим вопросам науки и нравственные поиски смысла жизни в конце XIX – начале XX в. были характерны для российских ученых, которые не могли не почувствовать в настроениях социума грядущих катаклизмов. Они пытались противостоять этому своими знаниями и просветительской деятельностью, призывая использовать опыт прошлого человечества.

Примечания

¹ Эрн В.Ф. Сочинения. М., 1991. С. 112.

² *Зелинский Ф.Ф.* Древний мир и мы: лекции, читанные ученикам выпускных классов С.-Петербургских гимназий и реальных училищ весной 1903 г. проф. С.-Петербургского университета. СПб., 1903. С. 12.

³ *Зелинский Ф.Ф.* Древний мир и мы... С. 15.

⁴ Там же. С. 17.

⁵ Там же. С. 41.

⁶ Там же. С. 44.

⁷ Там же. С. 48.

⁸ Там же. С. 53.

⁹ Об этом подробно писал В.Н. Ярхо в послесловии к переводам Софокла Зелинским. Ф.Ф. Зелинский – переводчик Софокла // Софокл. Драмы / Пер. Ф.Ф. Зелинского; Изд. подгот. М.А. Гаспаров, В.Н. Ярхо. М., 1990. С. 509–541.

¹⁰ О модернизации Зелинским античных текстов писал В.Н. Ярхо в статье: Ф.Ф. Зелинский – переводчик Софокла (*Ярхо В.Н.* Указ. соч. С. 511).

¹¹ *Зелинский Ф.Ф.* Древний мир и мы... С. 71.

¹² *Ярхо В.Н.* Указ. соч. С. 524.

¹³ Там же. С. 522.

¹⁴ Цит. по: *Ярхо В.Н.* Указ. соч. С. 523.

¹⁵ *Зелинский Ф.Ф.* Из жизни идей. Т. 3: Соперники христианства: Статьи по истории античных религий. СПб., 1910. С. 238.

¹⁶ *Бузескул В.П.* Всеобщая история и её представители в России в XIX и начале XX века: В 2 ч. Л., 1929–1931.

¹⁷ *Ярхо В.П.* Указ. соч. С. 540–541.

¹⁸ *Лурье С.Я.* История античной общественной мысли: общественные группировки и умственные движения в эллинском мире. М.; Л., 1929. С. 212.

¹⁹ *Зелинский Ф.Ф.* Из жизни идей... Т. 2. С. 98.

²⁰ *Никитенко А.В.* Дневники: В 3 т. Т. 1. М., 1955. С. 17.

²¹ *Модестов В.И.* Лекции по истории римской литературы, читанные в университете Св. Владимира В.И. Модестовым, ординаторским профессором по кафедре Римской словесности. 2-е изд., пересм. и доп. СПб., 1876.

²² Там же. С. 3–4.

²³ Там же. С. 5.

²⁴ ЖМНП. 1889. № 11. С. 1–16.

²⁵ Там же. С. 2–3.

²⁶ *Модестов В.И.* Школьный вопрос в Германии // Модестов В.И. О Германии: Наука, школа, парламент, люди, стремления. СПб., 1888. С. 161.

²⁷ Русское богатство. 1887. Сентябрь. С. 163.

²⁸ Там же. С. 165.

²⁹ *Мищенко Ф.Г.* Изучение античного мира в зависимости от успехов науки и просвещения. Казань, 1893.

³⁰ Там же. С. 4–5.

³¹ Там же. С. 5–11.

³² ЖМНП. 1907. № 7. С. 70.

³³ *Бердяев Н.А.* Кризис искусства. М., 1918. С. 3.

³⁴ *Бердяев Н.А.* Философия творчества, культуры и искусства: В 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 389.

³⁵ *Бердяев Н.А.* Смысл истории. М., 1990. С. 164.

В.В. Шапаренко

Н.Я. ДАНИЛЕВСКИЙ И С.Ф. ХАНТИНГТОН О ЕВРОПЕ И РОССИИ: ОПЫТ КОМПАРАТИВНОГО АНАЛИЗА

Цивилизационное изучение истории, базовым компонентом которого является компаративный метод, очень популярное исследовательское направление современной науки. Большинство современных исследователей понимают под цивилизацией сложную социокультурную систему отношений, складывающуюся на базе исторически значимых для данной общности ценностей: моральных, правовых, религиозных, культурных и экономических.

Сопоставление концепции основателя цивилизованного изучения истории Н.Я. Данилевского и нашего современника, американского исследователя С.Ф. Хантингтона позволяет проследить диалектику воззрений ученых на роль и место России и Европы.